GN 461
E 226

ШЛВ

Г. А. Евреиновъ.

ГЖ 461
Е 226
1

ВЫХОДЪ ИЗЪ АНАРХІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяческ., 39.
1905.

1984

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ГЖ461Р
Е226Р

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. И. К.

3244
29

60512У

I.

На томъ историческомъ перепутьѣ, на которомъ стоитъ теперь Россія, ей болѣе чѣмъ когда либо нужна, а послѣ манифеста 17 октября и стала возможною, сильная и твердая правительственная власть, а мы находимся и теперь въ состояніи полной анархіи.

Я постараюсь опредѣлить въ чемъ эта анархія состоитъ, и укажу ея проявленія, потому что надо доказать существованіе и уяснить значеніе того явленія съ которымъ хочешъ бороться.

На первый взглядъ, въ виду ежедневно обнаруживаемыхъ властью проявленій матеріальной силы, утвержденіе объ анархическомъ состояніи русскаго государства можетъ показаться парадоксомъ, но въ дѣйствительности оно совершенно соотвѣтствуетъ существующему у насъ въ настоящее смутное и тревожное время, соотношенію власти и общественныхъ, народныхъ элементовъ государственнаго цѣлаго.

Сила и твердость правительственной власти находятся въ прямой зависимости отъ ея авторитета, отъ степени оказываемаго ей страной довѣрія. Въ варварскомъ состояніи человѣческихъ обществъ авторитетъ власти зиждится на мистическомъ началѣ ея божественнаго происхожденія, которое въ послѣдующихъ стадіяхъ развитія монархіи обращается въ историческую традицію. Въ абсолютныхъ монархіяхъ авторитетъ этотъ всецѣло зависитъ отъ того, насколько неограниченное въ своей власти правительство, по степени просвѣщенности политическихъ взглядовъ и вѣрнаго пониманія назрѣвшихъ потребностей страны, — стоитъ выше ея средняго общественнаго уровня. Наконецъ, при относительно развитомъ обществѣ, правительство можетъ управлять авторитетно только въ соучастіи съ представителями народа и въ согласіи съ общественнымъ мнѣніемъ его просвѣщеннаго большинства.

Для Россіи періодъ просвѣщеннаго абсолютизма начался при Петрѣ и, прерываясь рядомъ реакцій, закончился съ реформами шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. Реформы эти пробудили общественное сознаніе, создали новыя политическія потребности, для удовлетворенія которыхъ свобода нужна была, какъ воздухъ для дыханія.

Правительство между тѣмъ круто остано-

вило дальнѣйшее преобразовательное движеніе, насильственно удерживая страну въ отсталыхъ формахъ сословно-полицейскаго строя. Затѣмъ, послѣ краткаго возврата къ свѣтлымъ днямъ начала царствованія Александра II. при графѣ Лорисъ-Меликовѣ, Россію окуталъ надолго непроницаемый мракъ безпросвѣтной реакціи. Властью овладѣлъ сперва тріумвиратъ государственныхъ дѣятелей совмѣстившій въ своихъ представителяхъ свойства и побужденія мертвящаго византизма, атавизма крѣпостничества и политическаго ренегатства,—а впослѣдствіи правители страны стали получать инвеституру власти и политическую программу въ редакціи ретроградnаго журналиста, который перейдетъ въ потомство съ репутаціей самаго безтолковаго изъ русскихъ публицистовъ. Государство, однако, какъ всякій живой организмъ, можетъ только развиваться или разрушаться, а потому неудивительно, что при этихъ условіяхъ въ Россіи обнаружились всѣ признаки безвременнаго разложенія.

Такимъ образомъ, ставшая теперь для всѣхъ очевидною анархія ведетъ свое начало издалека, съ того времени, когда власть остановилась на мертвой точкѣ реакціи, тогда какъ свѣжая струя освободительнаго движенія, не смотря на всѣ препятствія, проникала въ просвѣщенные общественные слои, вызывая враж-

дебное правительству настроеніе въ средѣ выборныхъ органовъ самоуправленія, въ университетахъ и другихъ просвѣтительныхъ центрахъ, въ печати. Теченію этому власть могла противопоставить только произволъ, а беззаконіе въ управленіи есть таже анархія.

Такое загражденіе не могло быть прочнымъ, и стоило 12 декабря прошлаго года приподнять эту ненадежную плотину, чтобы освободительная струя, уже давно ее подтачивавшая, обратилась въ стремительный потокъ, оставивъ власть на мели безъ всякой надежной опоры, ни въ твердомъ законѣ, ею разшатанномъ, ни въ общественномъ настроеніи широкихъ и просвѣщенныхъ общественныхъ круговъ.

Въ проведеніи возвѣщенныхъ въ послѣднее время высочайшей властью преобразованій правящая бюрократія, въ сотрудничествѣ нераскаянныхъ дѣятелей реакціи и завѣдомыхъ противниковъ реформы, обнаружила всѣ признаки слабости,—непослѣдовательность, нерѣшительность, малодушную повадку не додѣлать и не додать.

Такимъ характеромъ отличаются—и учрежденіе государственной думы 6 августа, которое, предоставляя народному представительству въ дѣлѣ законодательства второстепенную и приниженную роль, сохранило, въ существѣ, приказно-бюрократическій режимъ

во всей его неприкосновенности;—и положеніе о выборахъ того-же числа, лишившее избирательнаго права въ нашей еще мало культурной странѣ почти всю ея интеллигенцію, большинство просвѣщенныхъ людей и давшее двойное представительство крестьянамъ, классовое и сословное, обязывая крестьянъ выбирать представителей только изъ своей сословной среды и дѣлая законодательную трибуну доступною и безграмотнымъ мужикамъ—все это съ очевидною цѣлью обезпечить большинство въ думѣ за состоятельными и реакціонными элементами въ союзѣ съ невѣжествомъ крестьянскихъ массъ [1]). Такое же значеніе имѣлъ и законъ 12 октября с. г. о свободѣ собраній, ставившій пользованіе этимъ органическимъ правомъ свободныхъ гражданъ въ зависимость отъ разрѣшенія полицейскихъ чиновниковъ, сообразно субъективнымъ воззрѣніямъ каждаго изъ нихъ

---

[1]) Ничто не ново подъ луною: Оларъ въ своей политической исторіи французской революціи (стр. 37) приводитъ существующее предположеніе, что Людовикъ XVI, передъ выборами генеральныхъ штатовъ 1789 г., расширилъ избирательное право третьяго сословія почти до размѣровъ всеобщаго голосованія, желая „прибѣгнуть къ всеобщей подачѣ голосовъ для противодѣйствія буржуазной оппозиціи, къ невѣжеству для борьбы съ просвѣщеніемъ“. Съ другой стороны, апостолъ демократизаціи народнаго представительства Д. С. Миль, находилъ, однако, вреднымъ, чтобы невѣжество имѣло-бы такое-же право на политическую власть, какъ и знаніе. Подобнаго мнѣнія держался и Флоберъ.

на значеніе общественнаго спокойствія и безопасности (ст. 3.).

Въ такомъ видѣ законы эти представляютъ изъ себя нѣчто уродливое и въ техническомъ смыслѣ, расходясь съ элеметарными требованіями государственной науки, которая, если не обладаетъ точностью естественныхъ знаній, не составляетъ, однако, и голой, отвлеченной теоріи, какъ о ней высокомѣрно отзываются невѣжественные политики; она воплощаетъ въ себѣ результаты историческаго опыта и глубокихъ наблюденій въ области соціальной и государственной жизни народовъ.

Слабость совмѣщается нерѣдко съ самоувѣренностью, и проекты этихъ важныхъ основныхъ законовъ были представлены на утвержденіе Государя прямо изъ бюрократическихъ лабораторій, безъ предоставленія общественнымъ представителямъ и даже печати возможности предварительно съ ними ознакомиться и высказать о нихъ свое мнѣніе.

Эта келейная работа надъ созданіемъ компромиссовъ между свободою народа и произволомъ правительства длилась мѣсяцами въ такое время, когда общественное настроеніе двигалось въ лѣвомъ направленіи съ силою урагана, захватывая въ своемъ движеніи рабочее населеніе страны, и когда народныя массы, еще теперь не полноправныя, воспитанныя чиновниками въ понятіяхъ своего сословнаго

разобщенія съ людьми другихъ состояній и у которыхъ старательно вытравлено чувство личной собственности,—подымаются съ повелительнымъ требованіемъ чужой земли.

Со стороны общественныхъ элементовъ, въ противоположность правительству, обнаружены, въ дѣлѣ разрушенія чиновно-автократическаго строя, замѣчательныя энергія и сила, смѣлый починъ и строгая послѣдовательность.

II.

Теперь Россія низвергла бюрократическое самовластіе, получила конституцію на началахъ народовластія и всѣ политическія свободы, —а анархія продолжается и изъ сказаннаго выше ясно, что длиться она будетъ до тѣхъ поръ, пока правительство не обопрется на твердый кряжевый устой народныхъ политическихъ наслоеній, пока оно не выйдетъ изъ нѣдръ такого народнаго собранія, которое будетъ въ большинствѣ своихъ представителей вѣрнымъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія и настроенія страны.

На кабинетъ графа Витте, управляющій внѣ законнаго государственнаго порядка, возвѣщеннаго манифестомъ 17 октября, можно смотрѣть только, какъ на временное правительство, роль котораго чисто устроительная. Значеніе его, въ смыслѣ твердости власти, обусловлено тѣмъ, сумѣетъ ли онъ

честно и толково подготовить строй новыхъ государственныхъ учрежденій и править покуда въ условіяхъ «дарованныхъ населенію незыблемыхъ основъ гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ» [1]).

Задача эта, сама по себѣ трудная и требующая, для своего успѣшнаго выполненія, въ настоящее взбаломученное время тонкаго политическаго чутья, значительно усложняется самымъ содержаніемъ законодательнаго акта 17 октября.

Объемъ предоставленныхъ имъ народу правъ не оставляетъ желать ничего лучшаго, но выполненіе высочайшей воли въ изложеніи отдѣльныхъ постановленій манифеста не отвѣчаетъ выраженнымъ широкими общественными кругами стремленіямъ, удовлетвореніе которыхъ могло бы установить то согласіе между властью и общественнымъ мнѣніемъ страны, которое въ данную минуту одинаково необходимо какъ для приданія правительству нужныхъ ему авторитета и силы, такъ и для прекращенія революціонной общественной смуты.

Успѣхъ народнаго представительства въ Россіи всецѣло зависитъ отъ будущаго со-

---

[1]) Манифестъ 17 октября с. г., ст. 1.

става государственной думы, и этимъ опредѣляется первенствующее значеніе избирательнаго закона.

За всеобщее, болѣе или менѣе ограниченное, прямое и равное избирательное право высказались въ Россіи всѣ конституціоналисты, а для обѣихъ фракцій соціалистовъ оно составляетъ conditio sine qua non прекращенія революціонныхъ забастовокъ. Съ точки зрѣнія прерогативъ верховной власти, тотъ или иной способъ выбора народныхъ представителей является обстоятельствомъ совершенно безразличнымъ. При этихъ условіяхъ нельзя ни понять, ни оправдать настойчивости правительства въ желаніи сохранить положеніе о выборахъ въ государственную думу 6 августа с. г., дополнивъ его только привлеченіемъ къ участію въ думѣ въ ограниченномъ числѣ новыхъ *классовъ* населенія, тогда какъ первородный грѣхъ избирательнаго закона 6 августа именно въ томъ и состоитъ, что онъ построенъ на классовомъ, а для крестьянъ и на сословномъ началѣ, при которомъ классовые интересы должны неизбѣжно возобладать въ парламентѣ надъ общимъ благомъ страны

Единственное возраженіе, которое можетъ быть сдѣлано противъ введенія въ Россіи всеобщаго избирательнаго права и притомъ только на первое время, заключается въ громадномъ у насъ численномъ превосход-

ствѣ крестьянскихъ массъ на половину безграмотныхъ» [1]). Можно опасаться, что ихъ личное участіе въ парламентѣ, въ значительномъ числѣ, понизитъ образовательный уровень всего собранія, и въ дѣлѣ законодательства имъ трудно будетъ подняться до высоты тѣхъ обобщеній, которыя вызываются соображеніями государственными и требованіями общаго блага.

Но это препятствіе не можетъ существовать для правительства, которое въ законѣ 6 августа с. г. предоставило крестьянамъ двойное представительство, обязавъ ихъ избирать членовъ государственной думы по ихъ сословному цензу только изъ своей среды, не исключая безграмотныхъ.

Всеобщее избирательное право, въ виду численности у насъ рабочаго населенія, не введетъ въ государственную думу болѣе того числа соціалистовъ, которое пошлютъ въ парламентъ рабочіе по предоставленіи имъ классового представительства,—а пониженіе ценза для городскихъ обывателей откроетъ въ полное соотвѣтствіе съ требованіями правильнаго представительства, но вопреки намѣренію составителей положенія 6 августа, двери законодательнаго собранія передъ несостоятельной интеллигенціей.

---

[1]) 96.961.644 крестьянъ изъ 125.640.021 всего населенія имперіи по переписи 1897 г.

Если-же число избирателей отъ городовъ, пользующихся самостоятельнымъ избирательнымъ правомъ, не будетъ повышено и право это не будетъ предоставлено всѣмъ губернскимъ, областнымъ городамъ и градоначальствамъ, то состоятельные городскіе обыватели могутъ и вовсе не попасть въ думу. Съ другой стороны, привлеченіе въ думу новыхъ классовъ избирателей, при сохраненіи неизмѣннымъ существующаго положенія, значительно увеличитъ число членовъ думы что нежелательно для успѣшности ея занятій.

Ко всему этому надо прибавить, что всеобщее, прямое и равное избирательное право, съ точки зрѣнія парламентарной техники, представляется, по сравненію съ неуклюжей структурой положенія 6 августа неизмѣримо болѣе совершеннымъ.

Трудно поэтому понять, какую преслѣдуетъ правительство цѣль, вызывая при этихъ условіяхъ, по вопросу объ избирательномъ правѣ конфликтъ съ наиболѣе вліятельными представителями общественнаго мнѣнія страны, лишая себя ихъ поддержки.

Людьми этаго направленія руководитъ не упрямое отстаиваніе отвлеченнаго принципа всеобщихъ выборовъ, а вѣрное пониманіе практическихъ требованій прочнаго государственнаго правопорядка.

Я могу объ этомъ говорить съ тѣмъ большимъ основаніемъ и безпристрастіемъ, что до изданія выборнаго закона 6 августа я былъ убѣжденнымъ сторонникомъ такого цензоваго избирательнаго права, которое обезпечило-бы широкое участіе въ народномъ представительствѣ просвѣщеннымъ элементамъ населенія, и защищаю теперь всеобщее и прямое голосованіе исключительно по соображеніямъ охранительной для новаго государственнаго строя политики. Организовать классовую борьбу въ стѣнахъ парламента въ переживаемое нами время, среди разнузданныхъ политическихъ страстей, я считаю прямо безуміемъ.

Между тѣмъ отнять у крестьянъ дарованную избирательную привилегію, соединенную съ существенными для нихъ матеріальными преимуществами, безъ измѣненія самой системы выборовъ, не претворивъ этой привилегіи въ общемъ и для всѣхъ равномъ избирательномъ правѣ, едва-ли возможно, и осторожно.

Неудовлетворительность избирательнаго закона 6-го августа, хотя въ извѣстной мѣрѣ и расширеннаго въ демократическомъ направленіи, не даетъ возможности предвидѣть, какъ недостатки его отразятся на личномъ составѣ законодательнаго собранія. Возможно, что въ немъ окажется реакціонное большинство, опирающееся на невѣжество представителей кре-

стьянскаго сословія, причемъ такой результатъ, нисколько не упрочивъ положенія правительства, послужитъ къ дальнѣйшему продолженію смуты и анархіи. Либеральные и радикальные элементы, выведенные изъ спокойнаго русла организованнаго и дисциплинированнаго народнаго представительства, не отстранятся отъ политики, для которой теперь и за стѣнами парламента существуетъ широкая арена. Просвѣщенная Россія, при гражданской и политической свободѣ, поведетъ упорную борьбу съ правительствомъ и съ профессорской кафедры доводами науки, и въ печати, и въ общественныхъ организаціяхъ.

Въ рамкахъ конституціи 17 октября, правительство только въ союзѣ съ либеральными элементами можетъ теперь обрѣсть силу, необходимую для плодотворной дѣятельности и водворенія порядка. Симптоматическое въ данномъ случаѣ значеніе имѣютъ грандіозныя, трогательныя, невиданныя въ Россіи демонстраціи для выраженія скорби по по воду смерти князя С. Н. Трубецкого, одного изъ передовыхъ дѣятелей охватившаго Россію освободительнаго движенія. Горе его семьи стало общественнымъ горемъ и выразилось кромѣ манифестацій на похоронахъ, и во множествѣ сочувственныхъ заявленій со всѣхъ концовъ Россіи, отъ земскихъ собраній, городскихъ думъ, ученыхъ и иныхъ учрежденій, союзовъ и отъ частныхъ лицъ.

Реакціонеры, послѣ манифеста 17 октября, составляютъ въ нашей общественной средѣ элементъ не порядка, а анархіи. Дѣятельность ихъ можетъ быть направлена только къ ниспроверженію конституціоннаго строя. Если покуда нельзя считать доказаннымъ ихъ содѣйствіе проявленіямъ звѣрства и изувѣрства русской черни, приведшимъ весь культурный міръ въ ужасъ, то во всякомъ случаѣ цѣлью ихъ активной политической агитаціи можетъ быть въ настоящее время и въ ближайшемъ будущемъ только государственный переворотъ.

Иные изъ нашихъ реакціонеровъ въ доказательство возможности вернуться вспять ссылаются на историческую роль великаго Наполеона, присвоившаго себѣ, послѣ французской революціи, всю полноту правительственной власти. Дѣло въ томъ, однако, что настроенія общественныхъ элементовъ въ Россіи въ настоящее время и во Франціи со временъ директоріи, прямо одно другому противоположны. Захватъ Наполеономъ неограниченной власти удался потому, что онъ соотвѣтствовалъ стремленіямъ буржуазіи, въ пользу которой послѣдовала революція, и крестьянъ, жадно раскупившихъ по частямъ феоды земельной аристократіи и церковныя земли. На эти элементы Наполеонъ опирался, какъ на каменную гору, обезпечивъ за ними плоды ихъ побѣдъ и пріобрѣтеній въ условіяхъ крѣпко сложеннаго, строго демократи-

ческаго, юридическаго и административнаго строя. Геній Наполеона и его военныя лавры имѣли, конечно, немаловажное, но второстепенное значеніе.

Такъ какъ наше правительство переворота, очевидно, не замышляетъ, то русскимъ реакціонерамъ, въ ихъ вожделѣніяхъ о возвращеніи къ старому режиму, предстоитъ безславно прозябать въ составѣ ничтожной по своему значенію, эксцентрической партіи на подобіе французскихъ націоналистовъ. Опорой правительства они служить не могутъ.

III.

Самое важное разномыслiе между либеральными общественными союзами и настоящимъ руководителемъ правительственной политики касается именно порядка выбора народныхъ представителей въ законодательное собраніе. По этому предмету вся обстановка въ соотношеніи власти и общественныхъ силъ сложилась, однако, такъ, что въ этомъ вопросѣ правительство, не желающее продолженія анархіи и смуты, должно уступить.

60572

Правительствомъ можетъ въ данномъ случаѣ руководить желаніе ускорить созывъ государственной думы, тогда какъ коренное измѣненіе самой системы выборовъ, производство ихъ на основаніи всеобщаго, прямого и равнаго избирательнаго права, можетъ от-

срочить созывъ народнаго представительства на неопредѣленное время.

Здѣсь прежде всего слѣдуетъ указать на возможность ускорить выборы по системѣ всеобщаго голосованія, принявъ предложеніе, сдѣланное на совѣщаніи московскихъ общественныхъ дѣятелей съ представителями петербургскихъ прогрессивныхъ партій о составленіи избирательныхъ списковъ по явочной системѣ, т. е. путемъ заявленія со стороны самихъ управомоченныхъ лицъ о своемъ желаніи участвовать въ выборахъ. Во всякомъ же случаѣ желательнѣе отсрочить созваніе государственной думы, чѣмъ рисковать всѣми послѣдствіями дефективнаго избирательнаго закона, между которыми наиболѣе вѣроятнымъ представляется необходимость распустить думу послѣ первыхъ же ея засѣданій вслѣдствіе вотированія новаго избирательнаго закона, что еще болѣе отдалитъ водвореніе регулярнаго законодательнаго порядка, необходимаго для прекращенія анархіи и смуты.

Всеобщность избирательнаго права составляетъ понятія относительное. Оно по необходимости ограничено возрастомъ, слабоуміемъ, состояніемъ дикости или варварства народностей, населяющихъ извѣстныя части территоріи культурныхъ государствъ, состояніемъ на военной службѣ, судимостью, огра-

ниченіемъ правъ по суду. Такое свойство всеобщаго избирательнаго права даетъ широкую возможность отдѣльнымъ партіямъ и правительству прійти весьма скоро между собою къ соглашенію относительно размѣра этихъ ограниченій.

Второй конфликтъ между обществомъ и правительствомъ по поводу манифеста 17 октября, менѣе острый, касается перечисленныхъ въ статьѣ первой вольностей и свободъ.

Общество видитъ въ нихъ реальный фактъ, уже пріобрѣтенное право, а правительство простое обѣщаніе, для исполненія котораго требуется срокъ, болѣе или менѣе продолжительной законодательной процедуры. Общество и здѣсь безусловно право.

Манифестъ по этому предмету отмѣняетъ существующія постановленія, ограничивающія неприкосновенность личности, свободу совѣсти, слова, собраній и союзовъ.

Одновременно съ манифестомъ слѣдовало, конечно, издать и высочайшій указъ сенату, который заключалъ бы въ себѣ въ выраженіяхъ краткихъ, но точныхъ и ясныхъ, тѣ существенныя ограниченія дарованныхъ свободъ; которыя 17 октября уже утратили свою силу.

Работа эта могла быть совершена скоро, для нея не требовалось открывать Америки, такъ какъ законы о разныхъ видахъ полити-

ческой свободы имѣются во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ съ многочисленными къ нимъ коментаріями въ научной литературѣ. Приспособить ихъ къ нашимъ потребностямъ было тѣмъ легче, что они, по самому существу своему, не заключаютъ въ себѣ ничего національнаго.

Правительство упустило это сдѣлать и понятно, оно, а не народъ, должно нести всѣ неудобства своей непредусмотрительности.

Дарованіе населенію такихъ незыблемыхъ основъ гражданской свободы, какъ неприкосновенность личности, свободы совѣсти, слова,—устнаго и печатнаго,—собраній и союзовъ, обусловливаетъ само собою отмѣну положеній о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и спокойствія и о полицейскомъ надзорѣ, учреждаемомъ по распоряженію административныхъ властей (приложенія I и II къ I-й ст. XIV т. св. зак.). Съ гражданской свободой прямо несовмѣстима предоставленная администраціи, правилами объ охранѣ, судебная власть, право карать и лишать свободы; воспрещать народныя, общественныя и даже частныя собранія; закрывать всякія торговыя и промышленныя заведенія на все время объявленнаго положенія усиленной охраны; высылать въ опредѣленныя мѣстности подъ надзоръ полиціи.

Отмѣнить эти правила одновременно съ

изданіемъ манифеста 17 октября было тѣмъ болѣе необходимо, что, узаконяя безграничный произволъ полиціи, они для огражденія порядка и спокойствія совсѣмъ не нужны, такъ какъ власть у насъ, какъ и во всемъ культурномъ мірѣ, имѣетъ полное право и на законномъ основаніи предупреждать и подавлять безпорядки мѣрами полиціи, а въ случаяхъ чрезвычайныхъ прибѣгать къ содѣйствію вооруженной силы.

Запоздалый высочайшій указъ о неполной амнистіи составленъ, безъ всякаго соображенія съ психологіей общества во времена соціальныхъ потрясеній, на подобіе шифрованной депеши съ мелькающими цифрами, ключъ отъ которой запрятанъ между листами нашихъ двухъ уголовныхъ уложеній.

Давая всему населенію имперіи широкія права гражданской свободы, слѣдовало одновременно завершить личное освобожденіе крестьянъ, подчеркнувъ тѣмъ самымъ ихъ полную ровноправность съ лицами другихъ состояній. Это крестьяне бы поняли и, связывая свое освобожденіе съ другими политическими свободами, оцѣнили бы значеніе совершающейся реформы и стали бы недоступны наущеніямъ реакціонныхъ и иныхъ крамольниковъ.

Ожидать для этого нескончаемо длящагося разрѣшенія «крестьянскаго вопроса» нѣтъ никакой надобности. Для завершенія личнаго

освобожденія крестьянъ достаточно издать слѣдующія четыре постановленія:

1. Каждый совершеннолѣтній крестьянинъ имѣетъ право выйти изъ сельскаго общества, избрать себѣ мѣсто осѣдлости и родъ занятій, не испрашивая на то согласія родителей, домохозяина или общества.

2. 3 п. 62 ст. общ. пол. о крестьянахъ—отмѣняется.

Законъ этотъ совмѣщаетъ въ себѣ элементы административной ссылки и конфискаціи недвижимой собственности, предоставляя сельскому обществу право удалять изъ него членовъ, пребываніе которыхъ въ средѣ обществъ признается опаснымъ для мѣстнаго благосостоянія.

3. Предоставить крестьянамъ право свободнаго передвиженія, распространивъ на нихъ общія правила устава о паспортахъ, не ожидая его полнаго пересмотра.

4. Отмѣнить 61 статью положенія о земскихъ начальникахъ, предоставляющую этимъ чиновникамъ карать крестьянъ безъ суда и расправы.

Принципіальныхъ препятствій для предоставленія народу гражданской свободы, на основаніи 1 ст. манифеста 17 октября, во всей ея полнотѣ, со стороны правительства, повидимому, не встрѣчается, но съ этимъ дѣломъ надо

спѣшить, вести его безъ канцелярской волокиты и бюрократическихъ ухищреній.

Политическіе кризисы всегда, а въ особенности въ революціонное время, вызываютъ въ странѣ ненормальное, возбужденное настроеніе,—ихъ безконечно длить нельзя. Какъ всякое чрезвычайное напряженіе въ живомъ организмѣ, оно его истощаетъ. Такое напряженіе послѣ несчастной и разорительной войны и въ предвидѣніи голода, грозитъ большой бѣдой.

Говорить-ли о довольно странномъ предубѣжденіи относительно предоставленія государственной думѣ, избранной на основаніи новаго избирательнаго закона, значенія учредительнаго собранія? Оно будетъ имѣть, очевидно, значеніе тѣхъ законодательныхъ собраній, того или иного устройства, которыя имѣются во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ для пересмотра основныхъ учредительныхъ законовъ.

Желательно, чтобы намѣченная здѣсь въ общихъ чертахъ программа объединила въ настоящій критическій моментъ въ общій союзъ, всѣ партіи конституціоналистовъ, между крайними союзами революціонеровъ, красныхъ и черныхъ.

Разъединяющія эти партіи разномыслія по

другимъ предметамъ, онѣ могутъ сохранить для выборной агитаціи и парламентской борьбы.

Такой союзъ конституціоналистовъ долженъ оказать временному дѣловому министерству графа Витте, если оно согласится программу эту положить въ основу своей устроительной работы, рѣшительную и дѣятельную поддержку.

Только въ согласіи съ объединенными въ крѣпкій союзъ либеральными монархистами всѣхъ партій, министерство можетъ почерпнуть силу правящей власти, найти выходъ изъ анархіи и достигнуть успокоенія страны.

С.С.С.Р. ИНСТИТУТ